

Если рассудок
и жизнь дороги вам,

держитесь подальше
от торфяных болот.

А. Конан-Дойл.
Записки о Шерлоке
Холмсе. Собака Баскер-
вилей

ГЛАВА 1

Сухая земля отчаянно просила влаги. Грядки напоминали запекшиеся от нестерпимой жажды, потрескавшиеся до крови губы. Смотрящей в окно Ирине казалось, что у нее в огороде лежит обессилевший великан, чуть слышно просящий: «Пить, пить».

Поливать в такую жару было нельзя, это Ирина помнила с детства. Подцепить длинный шланг к насосу в колодце и напоить землю можно будет только ближе к вечеру, когда солнце не будет висеть в зените, словно парящий в небе коршун, высматривающий добычу.

На такой жаре капли воды, попадая на листья, срабатывали словно увеличительные стекла, выжигая все живое. Рисковать урожаем Ирина не могла, кто его знает, как дальше сложится. Вполне возможно, что от урожая будет зависеть жизнь. Ее и Ванечки. Поэтому, как бы умоляюще ни стонала сейчас земля, за полив она возьмется после шести часов вечера, не раньше.

Тридцатидвухградусная жара была для начала июня делом в их широтах немислимым. Плюс пятнадцать с принимающимся то и дело моросить дождем казались привычными. Даже снег, регулярно выпадающий на цве-

тушую клубнику, после чего приходилось гадать, выживет она или нет, удастся хоть немного полакомиться сладкими красными ягодами или только и останется что обрезать почерневшие от мороза листья, удивлял меньше, чем в прямом смысле слова свалившееся в этом году на голову лето.

Лету Ирина была рада, потому что, во-первых, любила его, а во-вторых, выживать в деревенской глуши под дождем и без солнца было бы еще тяжелее. И грустнее тоже.

В детстве лето означало каникулы, возможность не ходить в школу, не делать уроки, уехать к бабушке в деревню, просыпаться на заре оттого, что на дворе тугая струя молока ударяла в ведро, блаженно закрывать глаза, понимая, что сейчас всего лишь пять часов утра, бабушка уже встала и доит корову, а потом затеет месить тесто на пироги.

Лето пахло сладким сеном, из которого маленькая Ира любила вытаскивать то васильки, то клевер, липким клубничным соком, стекающим по подбородку, смородиновыми листиками, которые вечером, после бани, обязательно заваривались в чай, березовыми вениками, которые ходили заготовливать в жестко оговоренные сроки и которые потом висели в сенях, внося свой личный вклад в аромат лета.

Став старше, в деревню Ира ездить перестала. Сначала потому, что в ее жизни появились сессии, летние практики, стройотряды и море. То самое море, о котором она мечтала чуть ли не с пеленок и которое впервые увидела, когда ей исполнилось восемнадцать. Также в стройотряде, в котором они собирали черешню.

Потом институт остался позади, вместе с ним закончилась и беззаботность, а начались трудовые будни, в ко-

торые на лето отводилось ровно двадцать восемь дней отпуска. Их она тоже проводила на море, поменяв летний душ во дворе крымского домика, где они с подружками снимали комнату, на систему «все включено» в какой-нибудь Турции или Египте.

В деревню не хотелось и не тянуло, потому что от той деревни с запахом дыма над печными трубами, ароматом свежего хлеба и пирогов, парного молока и стогов наметанного сена уже ничего не осталось. Старики умирали, молодежь уезжала, фермы закрывались. Работы не было, а вместе с ней на глазах пропадал и человеческий облик оставшихся жителей.

На окрестные шесть деревень не было теперь ни одной коровы, хотя Ира еще помнила картинку из своего детства, в которой деревенский пастух Колька вел два раза в день по деревенской улице стадо из пятнадцати-двадцати буренок. Теперь на всю округу можно было найти три козы да пару свиней. И с десятков кур, пожалуй.

А потом умерла бабушка.

Свой дом, основательный деревенский пятистенок, с двумя добротными печами, крепким двором, на котором до сих пор хранились запасы сена, и огород в двенадцать соток при нем бабушка завещала сыну, Ириному отцу. Тот на родину ехать не спешил, даже документы по доверенности за него оформила Ирина.

Она в дом, где провела значительную часть детства, тоже не торопилась. Незачем ей это было, да теперь и не к кому. Осиротевший дом стоял пустой, тщательно заколоченный от недоброго взгляда. Впрочем, все ценное из него было украдено в первую же зиму после смерти бабушки.

От детских летних впечатлений остались только воспоминания, хотя любить лето Ирина так и не перестала.

Теперь она ждала его с тоской и нежностью, как уехавшего далеко-далеко любимого. Раз в год она встречала его после долгой разлуки со счастливой, немного глупой улыбкой на лице, как у щенка, со всех лап кидающегося на возвратившегося домой хозяина.

С первым летним теплом Ирина, как тот щенок, повизгивала, отчаянно виляя хвостом, привставала на задние лапы, приносила то одну игрушку, то другую, пытаясь подать тапочки, а потом утыкалась в колени мокрым носом и затихала, чувствуя, как быстро-быстро колотится сердце.

Она всматривалась в лето, лежащее рядом, только руку протяни, и можно потрогать, пропустить сквозь пальцы щекочущую мягкость травы, вдохнуть ни с чем не сравнимый запах. Солнца, листвы, счастья.

Она, городской житель, в повседневной круговерти начинала скучать по лету уже в середине июля, понимая, что оно вот-вот закроет за собой дверь, только подмигнет на прощанье. И уедет в далекие края. Туда, где оно живет, вырываясь к ней совсем ненадолго. Это не был краткосрочный курортный роман, нет. Не торопливые свидания украдкой, которые по-прежнему бывали у нее с морем: жаркие, страстные, безумные, когда оба знают, что это не навсегда.

С летом у нее был стабильный надежный брак, в котором супруги живут не на два города и даже не на две страны. На два огромных мира, в которых каждый год случаются короткие встречи и долгие проводы.

Впрочем, в последнее время слово «брак» уже не ассоциировалось у нее ни со стабильностью, ни с надежностью. И именно из-за своего брака, который не был ни стабильным, ни надежным, она и встречала это лето

в доставшемся ей по наследству доме ее бабушки, забытом богом в глухой, практически умершей деревушке, спрятавшейся между перелесками и отделенной от автомобильной трассы двумя речушками и двенадцатью километрами разбитой, практически непроезжей грунтовой дороги.

Последнее обстоятельство – полная отрезанность от «большой земли» – и стало определяющим фактором того, что Ирина Поливанова, тридцати двух лет от рождения, разведенка с двухлетним ребенком на руках, уже второй месяц жила в деревеньке под названием Заднее, где сохранился всего один жилой дом. С учетом ее вынужденного жилища – два.

В первом доме жил переселенец с Севера Полиект Кириллович со своей женой Светланой Георгиевной. Воспоминания о них у Ирины были смутными. В ее детстве в крайнем к лесу доме жила бабушка Маиса. Ее младшая дочь вышла замуж на Украину и приезжала к матери редко. Зато гостинцы привозила всегда знатные: кровяную колбасу, сало, пускающее острую слезу, когда его доставали из погреба, огромные сахарно-сладкие розовые помидоры, пахнущее семечками домашнее подсолнечное масло и огромный «Киевский торт». Баба Маиса жадной не была и всегда приглашала соседей отведать гостинцев.

Старший же сын Маисы работал где-то на Севере, то ли в Сургуте, то ли вообще за полярным кругом, и на родину не навещался, так что Ира его вообще не запомнила. Это уж только сейчас, когда она сбежала в деревню, как крыса в нору, прихватив самое дорогое, что у нее было, – детеныша, она с изумлением обнаружила на месте старой Маисиной избушки добротный двухэтажный

дом под красной крышей, резного петушка, украшавшего флюгер, три основательные теплицы, просторную баню с пристроенной к ней беседкой и огромный вольер для собак. А вместе со всем этим великолепием Полиекта Кирилловича и Светлану Георгиевну. Тогда же и выяснилось, что он – сын Маисы.

Признаться, без соседей она бы пропала в первый же день. В последние дни апреля дом казался стылым, и Ирина почти три часа топила его дровами, к счастью уцелевшими в поленнице во дворе. Все это время Ванечка был у Светланы Георгиевны, которая сварила ему манную кашу, затем накормила куриным супом из русской печки, а потом уложила спать на большой, очень мягкой кровати с белыми накрахмаленными простынями.

Ванечка вообще провел у соседей почти целый день, пока Ирина отмыла до скрипа старые половицы дощатого пола, оттерла от пыли столы, разобрала взятые с собой огромные сумки на колесиках: с вещами, с картошкой, с консервами, с крупами для Вани. В те годы, когда Ира навевывалась в деревню, здесь был маленький магазин, в котором продавали самый необходимый набор продуктов. Она надеялась на то, что уж хлеб, масло, макароны сможет купить всегда, а молоком и курятиной рассчитывала закупаться у соседей. Вот только не учла, что соседей не было. Не только в Заднем, но и на всю округу.

– Ну, вот мы тут, в Заднем, почитай, одни зимуем, – степенно рассказывал ей Полиект Кириллович, помогая спустить насос в колодец, отодрать деревянные ставни, закрывающие окна, и подключить электричество. – В Среднем на зиму вообще никто не остается. К началу июня Кольцовы приедут из Мурманска, да и все. В Запо-

лье летом только три семьи обитают, да и то не три месяца, а меньше. В Семакино в двух домах зимуют, в Георгиевском с этого года ни в одном. Какой тебе магазин?! Летом раз в неделю автолавка приезжает, когда дачники подтягиваются. А зимой нет, нерентабельно.

– Как же вы тут живете? – с ужасом спросила Ирина, чувствуя, что вот-вот расплчется. Собираясь в деревенскую глушь, она как-то не учла местных реалий и теперь совершенно не понимала, как ей выживать здесь, а главное – кормить Ванечку. – Получается, что ближайший магазин где? В Соловьево?

Соловьево – небольшой поселок с ФАПом, почтой, магазином, школой и поселковой администрацией – располагалось в двенадцати километрах от деревни Заднее, и ходить туда хотя бы два раза в неделю казалось пугающей перспективой, еще и потому, что оставить на это время сына Ирине было совершенно не с кем. Господи, и как же она так вляпалась-то.

– В Соловьево, – кивнул Полиект Кириллович, видимо читая по ее лицу как по открытой книге. – Но ты не шуйся, девонька. Я через день туда езжу. Зимой на снегоходе, летом – на мотоцикле с коляской. Так что пиши мне на бумажке, что тебе купить требуется, я и привезу.

Сделанное искреннее предложение решало неожиданную проблему, пусть и не полностью. И Ирина согласилась, горячо поблагодарив соседа.

Тот благодушно рассмеялся:

– Да брось ты, мне ж нетрудно. – И тут же спросил, полоснув неожиданно острым, пронзительным взглядом: – А ты к нам надолго?

Что ж поделать, если ответа на этот вопрос Ира и сама не знала.

– На лето точно, – сказала она, стараясь не выдать обуревавшего ее уныния. И еще страха. – А там видно будет.

– Трудно в деревне без мужика, – любопытный сосед не собирался отступать, не замечая, что терзает Ирину, – и дров принести, и печь протопить, и воды накачать, и огород разбить. Не выживешь ведь без огорода. Ты хоть это умеешь?

– Умею, – кивнула Ирина. – Хотя много лет и не делала. Моя бабушка была женщиной суровой. Я у нее тут летом без дела не прохлаждалась. Как вы думаете, найду я кого, кто мне землю вспашет? А уж посадить, прополоть, полить я умею. Тут не сомневайтесь.

Огород ей вспахал сосед. И навозом поделился он же. И рассаду в починенный парник дала Светлана Георгиевна. И яйца из-под домашних кур (да, Полиект и Светлана Куликовы держали кур, а еще поросят и двух уток). И блинчики на завтрак. И домашний хлеб. И пироги по средам и субботам, так же как это делала бабушка. В течение полутора месяцев Ирина каждый день по несколько раз благодарила провидение, что Куликовы вернулись со своего Севера в родную деревню, да еще так основательно здесь обустроились. Пропала бы она без них. Как есть пропала.

А так жизнь постепенно налаживалась, входя в привычную колею. Утром, пока Ванечка еще спал, Ира топила печь, ставила в нее чугунок с деревенским супом и второй – с картошкой. На газу варила кашу для Ванечки, себе отрезала бутерброд с сыром или колбасой, которые Полиект Кириллович регулярно поставлял из магазина в Соловьево. Затем она поднимала и кормила сына, усаживала его в теньке огорода на травку, а сама

полола грядки и подвязывала помидорные кусты в теплице.

После обеда, уложив Ванечку спать, она бежала на речку – постирать и прополоскать белье, дома мыла посуду и готовила нехитрый ужин – гречку с тушенкой, макароны с сыром, сырники из покупного творога. Когда Ванечка просыпался, они шли гулять, иногда предупреждая соседей, что хотят зайти в гости.

Без предупреждения появляться у Куликовых было небезопасно. Соседи держали двух огромных сторожевых псов, готовых порвать любого чужака, заходящего на их территорию. Когда Ира звонила, Полиект Кириллович загонял их в специально построенный загон. В остальное время псы просто бегали по участку, оглушительно лая, когда кто-то чужой проходил мимо. Бывало это крайне редко, потому что чужих в их деревеньке не водилось, но появиться у соседей без предупреждения Ира ни за что бы не рискнула.

Вечерами она поливала огород, а потом читала Ванечке книжку, сидя на крылечке, предварительно установив рядом пружинку от комаров. Вечером же, уложив сына спать, она иногда снова возвращалась на крыльцо, чтобы бездумно посидеть, глядя в летнее, почти не темнеющее небо. Красным угольком тлела антикомариная пружинка, пуская тонкую струйку пахучего дыма.

Где-то на краю деревни, за почерневшими, где-то сгоревшими, а где-то просто обвалившимися остовами соседских домов, закатывалось в незасеянное поле солнце. Густая тишина закладывала уши, словно вата. Ее можно было резать ножом, как жележный торт. Только комариный звон рассеивал ее, да иногда лениво брехали соседские собаки. Не зло. Не опасно.